К. СЕНТ-ИЛЕР

К ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2016

УДК 93/99:378
ББК 63.3-8(2Рос):74.58
С31

Сент-Илер К.

С31 К истории Воронежского Университета / К. Сент-Илер ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – 48 с.

ISBN 978-5-9273-2319-7

В работе профессора К. К. Сент-Илера, впервые опубликованной в 1925 г., приведены воспоминания непосредственного участника драматических событий при эвакуации Юрьевского Русского Императорского Университета в г. Воронеж во время немецкой оккупации г. Юрьева в 1918 г. Являясь председателем эвакуационной комиссии, автор с документальной точностью доказывает незаконность попытки оккупационных властей сделать Юрьевско-Дерптский университет немецким. Показываются основополагающие роли ректора Университета профессора В. Г. Алексеева и российского правоведа профессора В. Э. Грабаря при доказательстве необходимости перевода Университета в г. Воронеж.

Для студентов, ученых-историков, а также всех интересующихся историей Воронежского государственного университета.

УДК 93/99:378
ББК 63.3-8(2Рос):74.58

ISBN 978-5-9273-2319-7

© Воронежский государственный университет, 2016
© Оформление, оригинал-макет, Издательский дом ВГУ, 2016

О Юрьевско-Воронежском очаге высшего просвещения
(Вместо предисловия)

> «Принимая во внимание государственную необходимость сохранить для России Юрьевский Университет, как очаг высшего просвещения, ...
> ...Остановиться на г. Воронеже, как месте, где в случае необходимости, открыть деятельность университета».
> *Выписка из журнала заседания Совета Юрьевского Университета от 20(7) февраля 1918 г.*

В 2018 году наш университет будет отмечать свой вековой юбилей. Однако мы не знаем точной даты, с которой ведется отсчет. До недавнего времени это было 18 мая 1918 г. — дата подписания В. И. Лениным Постановления Большой государственной комиссии по просвещению о переводе Юрьевского Университета в Воронеж. Однако теперь эта дата почему-то не связывается с учреждением Воронежского государственного университета. Также без объяснений меняются и гербы университета с обозначенными на них датами.

Все это говорит о плохом знании истории нашего университета, его истоков. Более того, складывается впечатление, что это нас мало интересует, так как к подобным изменениям коллектив университета остается равнодушен.

В то же время, не только нам, но и властям нашего города нелишне задуматься о том, как и почему Воронеж получил столь высокий статус *университетского* в кошмарных условиях Мировой и Гражданской войн.

В своей монографии «Воронежский университет. Вехи истории 1918—2003» профессор М. Д. Карпачев, обращаясь к истокам университета в Воронеже, справедливо утверждает, что долгое время воп-

рос об утверждении университета трактовался весьма упрощенно, являясь плодом только волевых усилий Советского правительства, что, по его мнению, иногда сознательно, а чаще по установившейся традиции соответствовало лишь части правды. Устраняя этот недостаток, он, со своей стороны, указывает на определяющую роль общественных организаций города Воронежа и губернии в подготовке условий для учреждения университета в нашем городе. В связи с этим М. Д. Карпачев достаточно подробно анализирует действия этих организаций, начиная с шестидесятых годов XIX века до 21 февраля 1918 г. — даты роспуска земских учреждений большевиками.

Безусловно, желания и старания прогрессивных слоев нашего города способствовали успеху в учреждении университета в Воронеже, но они не могли быть решающими. К тому же их деятельность протекала в условиях относительно спокойного хода событий в стране, когда проблемы учреждения высших учебных заведений касались только центральных и региональных властей, и правительство царской России даже планировало открыть десять новых университетов в связи с нехваткой специалистов со среднетехническим и общеуниверситетским образованием.

Но к началу 1918 г. ситуация резко и качественно изменилась, приобретая турбулентный характер, когда каждый день вносил свои жесткие коррективы. Власть в стране перешла к Советам большевиков, а затем появились и внешние угрозы, связанные с оккупацией Лифляндии и Эстляндии немецкими войсками. Это сразу приводит к появлению новой стороны, связанной с учреждением университета в Воронеже — Юрьевского Императорского Университета во главе с ректором, доктором чистой математики, профессором В. Г. Алексеевым.

В результате образовался четырехугольник со сторонами, заинтересованными в судьбе Юрьевского, а следовательно, и Воронежского университетов:

- немецкая оккупационная власть в Лифляндии и Эстляндии;
- советская власть в России;
- власти и общественные организации Воронежа;
- Юрьевский Университет.

Уникальность такого расклада состоит в том, что отсутствие любой из этих сторон приводило бы к отрицательному результату для Воронежа:

- без немецкой угрозы снималась потребность юрьевцев в эвакуации, как это происходило в 1915 и 1917 гг.;

- отказ Советского правительства от решения университетских проблем, также приводил к отрицательному результату;
- без готовности воронежских властей принять университет, вопрос просто не имел бы смысла;
- наконец, в случае нежелания Юрьевского Университета переезжать в Воронеж ответ также был бы очевиден.

Ситуация осложнилась еще и тем, что некоторая часть русского общества приветствовала наступление немцев, поскольку отрицательно относилась к власти большевиков. Вот как это описывает Иван Бунин: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: «Ах, если бы!» ... Вчера были у Б. ... Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое...»

А вот что Михаил Пришвин записал в дневнике 19 февраля 1918 г. о разговорах на Невском проспекте: «Сегодня о немцах говорят, что в Петроград немцы придут скоро, недели через две. Попик, не скрывая, радостно говорит: «Ещё до весны кончится». Ему отвечают: «Конечно, до весны нужно: а то и землю не обсеменят, последнее зерно выбирают». Слабо возражают: «Думаете, немцы зерно себе не возьмут?» Отвечают убеждённо: «Возьмут барыши, нас устроят, нам хорошо будет и себе заработают, это ничего».

Среди преподавателей Юрьевского Университета также были разные мнения. К. К. Сент-Илер пишет, что некоторые профессора и доценты русского Юрьевского Университета, находившиеся на службе русского правительства, получавшие от него ордена и пенсии, признали себя германскими подданными (например, профессор К. Дегио).

И вот при такой неопределенности, основная роль при выборе решения выпала на долю Юрьевского Университета с его администрацией и Ученым Советом во главе с В. Г. Алексеевым. И руководствуясь государственной необходимостью сохранить для России Юрьевский Университет как очаг высшего просвещения, за три дня до прихода немцев в Юрьев 20 февраля 1918 г. Ученый Совет Университета единогласно постановил, что ввиду возможного занятия Юрьева немцами, «остановиться на г. Воронеже как месте, где в случае необходимости открыть деятельность университета».

Вместе с тем, опираясь на условия Брестского мира, подписанного 3 марта 1918 г., и положения 4-й Гаагской конвенции 1907 г., правоведы (В. Э. Грабарь) доказали неправомерность объявления

Германскими оккупационными властями Юрьевского Университета немецким.

Эти решительные шаги коллектива Юрьевский Университет и его ректора В. Г. Алексеева в сочетании с действиями Советского правительства обеспечили в условиях военного времени достойную эвакуацию персонала Юрьевского Университета в Воронеж летом 1918 года вместе с администрацией во главе с ректором, при этом была сохранена факультетская структура. Вместе с физико-математическим, медицинским, историко-филологическим и юридическим факультетами в г. Воронеж прибыли:

профессоров — 39,
преподавателей — 45,
канцелярских служащих — 25,
служащих библиотеки — 6,
служителей — 12,
около 800 студентов и 9/10 наиболее ценного имущества Юрьевского университета, включая архив, библиотеку, коллекцию университетских музеев, инструменты и принадлежности клиник и других учебно-вспомогательных учреждений университета, без которых не было возможности начать занятия в университете (всего 50 вагонов).

Так было спасено для России бесценное дерево высшего образования и пересажено вместе с корнями в наш город. И теперь, готовясь к его юбилею, не следует восхищаться только кроной этого дерева, разросшегося на нашей черноземной почве, а нужно помнить, что если «корни подрубить, то оно засохнуть может».

Предлагаемая статья профессора ВГУ К. К. Сент-Илера была опубликована в 1925 году в первом томе сборника «Труды Воронежского университета», на титульном листе которого также указано «Бывшего Юрьевского-Дерптского». В этой статье ученый-патриот нашего Отечества с документальной точностью и объективностью освещает драматические события, связанные с эвакуацией Юрьевского Императорского Университета в г. Воронеж в 1918 году, непосредственным участником которой он был в качестве председателя ликвидационной комиссии. В предисловии к этому сборнику указано, что по техническим причинам публикация задержалась, так как материалы поступили еще в 1920—21 гг., то есть статья К. К. Сент-Илера написана по «горячим следам» свершившихся событий. Правда, в этом же предисловии высказывается сожаление об избыточных размерах статьи. Но это уже с точки зрения из 1925 года. Может быть, именно эта «точка зрения» и не

позволила на протяжении всего периода существования университета в Воронеже (почти сто лет) донести точную информацию об основателях нашего университета, их подвиге во славу российской науки и образования.

Впервые публикуемая с 1925 года статья К.К. Сент-Илера (представленная в данном издании в своем изначальном, неизменном виде, т.е. в авторской редакции) является важным документом, подтверждающим прямую и глубокую связь между Юрьевским и Воронежским университетами на благородном поприще высшего просвещения.

Выпускники ВГУ: профессора *В. А. Костин, Ю. И. Сапронов, Н. Н. Удоденко, В. Л. Бочаров, С. Г. Кадменский, О. П. Негробов, В. И. Овчинников, В. Ф. Селеменев*

Р376
925 | 1

ACTA
UNIVERSITATIS VORONEGIENSIS

(olim Jurievensis—Dorpatensis).

TOMUS I.

ТРУДЫ
Воронежского Государственного Университета.

ТОМ I.

Воронеж.
1925.

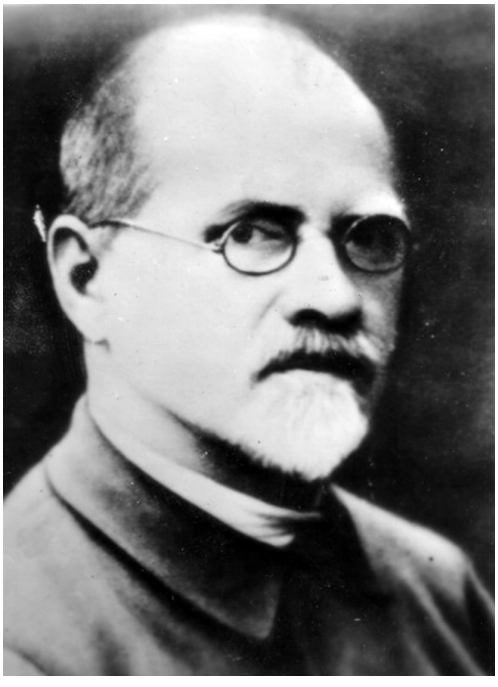
ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящий первый том «Трудов Воронежского Государственного Университета» вошли статьи, написанные еще в 1920 – 21 г.г. и сданные в типографию в 1922 г. Печатание тома, однако, замедлилось, вследствие непредвиденных затруднений чисто технического характера, и было окончено лишь в текущем 1925 году.

Замедление с печатанием привело, естественно, к тому, что некоторые из помещенных в настоящем томе статей утратили то значение, какое они имели в момент окончания их авторами.

Такова, напр., статья проф. С. К. Соловьева «Течение хирургических болезней в условиях современного голодания», вполне понятная и ценная в условиях 1922 г., когда наша страна мужественно боролась с голодом; в настоящий момент она может показаться не имеющей жгучего интереса. Такова, далее, статья проф. К. К. Сент-Илера «К истории Воронежского Университета», без сомнения, крайне важная для истории этого Университета; теперь в этой статье, может быть, некоторые места следовало бы сократить.

В Заключение Правление Воронежского Государственного Университета считает своим долгом выразить свою благодарность Воронежскому Отделению Комиссии по улучшению быта ученых за материальную помощь при печатании настоящего тома «Трудов В. Г. У».



Константин Карлович Сент-Илер (1866–1941) – профессор, председатель ликвидационной комиссии Русского Императорского Университета в г. Юрьев

Виссарион Григорьевич Алексеев (1866–1943) – последний ректор Русского Императорского Университета в г. Юрьеве (на эту должность он избирался трижды) и первый ректор Воронежского университета

Владимир Эммануилович Грабарь (1865–1956) – один из крупнейших специалистов по международному праву дореволюционного и советского периодов русской истории. Учёный широчайшего кругозора и эрудиции: университетский профессор, академик, декан, советник по правовым вопросам правительства Российской империи и советского правительства, международно признаный правовед и историк

К истории Воронежского Университета.

ПРОФ. К. СЕНТ-ИЛЕРА.

I. История последних дней русского Юрьевского Университета.

Вступлением к истории Воронежского Университета должно послужить описание тех событий, которые связаны с последними днями существования русского Юрьевского Университета

С самого начала великой войны настроение в Юрьеве было неуверенное и тревожное. Подготовка к частичной эвакуации имущества, переговоры с различными городами о возможности перевода Университета, смены власти, национализация учреждений — все это переживалось очень тяжело. Указанные перемены тормозили, конечно, научную и учебную работу в Университете, но все же она не прекращалась. Но с занятием Прибалтийского края германцами положение и в этом отношении резко ухудшилось.

В воскресенье 23-го февраля 1918 г., утром, Юрьев был занят германским отрядом, который с воодушевлением был встречен всем немецким населением города Почти с первых же дней оккупации Университет почувствовал на себе германское влияние.

7 марта в актовом зале Университета начальник оккупационного отряда ген. Адамс приветствовал собравшихся профессоров, преподавателей и студентов — немцев по происхождению В своей ответной речи проф. К. Дегио *) прежде всего горячо поблагодарил ген, Адамса за прекрасное приветствие, которое должно найти отклик в сердцах молодежи Он указал далее на важность момента, «когда в университетских стенах, после долгого перерыва, снова слышится истая немецкая речь; немецкое студенчество, составлявшее значительный процент общего числа студентов, жило последние года под постоянным гнетом; Университет имел своей задачей

*) К. К Дегио родился в 1851 г. в Ревеле, изучал медицину в Дерптском Университете (1870—75), где потом был ассистентом при университетской клинике. С июня до конца 1877 г. состоял врачем в Болгарии в русской армии, во время турецкой кампании. С 1886 г. был назначен профессором Дерптского Университета.

выпускать только дипломированных чиновников; можно надеяться, что теперь во всех институтах Университета закипит усиленная работа, и студенты, влекомые жаждой знания, наполнят аудитории; до окончательного преобразования теперешние профессора сделают все от них зависящее, чтобы доставить студентам Дерптского Университета возможность воспринять немецкую науку» «Если это теперь оказывается возможным, если теперь есть вера в лучшее будущее, то этим мы обязаны, — сказал проф. Дегио, — его величеству императору германскому, нашему германскому отечеству и его храбрым войскам». Оратор просил генерала передать его величеству выражение глубокой преданности и непоколебимой верности немецких профессоров и доцентов, а равно и немецкого студенчества Дерпта, и заключил свою речь провозглашением «Hoch» в честь императора. Речь была покрыта оглушительным «Hoch», и торжество закончилось пением студенческой песни «Gaudeamus igitur».

Таким образом, прежние профессора и доценты русского Юрьевского Университета, находившиеся на службе русского правительства, получавшие от него ордена и пенсии, открыто порвали связь с Россией и признали себя германскими подданными.

В посвященной этому событию статье немецкая «Rigasche Zeitung» торжествует, что «старое здание Университета освободилось от двуглавого хищника, и над ним реет черно-бело-красный флаг; университет должен возродиться, и никакие славянские неистовства не помешают этому; последние годы немецкое студенчество жило в тяжелых условиях и не могло работать продуктивно; но теперь снова прорвался луч света через мутное облако, казавшееся непроницаемым: теперь есть надежда на возрождение старого Дерпта для новых научных подвигов с такими профессорами, какими были Бер, Медлер, Эттинген и Ал. Шмидт, и с академическим студенчеством — бодрым, веселым и деятельным, которое ищет в аудиториях источника знания и находит его». Эта статья, конечно, вполне выражала настроение немецкого общества Балтики.

В ближайшем заседании Совета Университета проф К. Дегио открыто заявил своим прежним товарищам, что он не считает себя более членом Совета, и что он не желает иметь ничего общего со своими русскими коллегами, резко подчеркнув это словами: «Мой путь господа, на запад, а ваш на восток».

В № 168 «Dorpater Zeitung» от 16 сентября 1918 г., посвященном описанию торжественного открытия немецкого Дерптского Университета, напечатана речь проф. Дегио, в которой он огласил

текст телеграммы императора Вильгельма от 10 марта 1918 г. следующего содержания:

Telegramm Seiner Majestät des Kaisers und Königs
Berlin. 10 März 1918.

Es ist mir und dem ganzen akademischen Deutschland eine grosse Freude, dass die ehrenwürdige alma mater Dorpatensis dank dem Sieg unserer Waffen in geistiger Freiheit ihren geschichtlichen Beruf als Heimstätte deutschen Geisteslebens wieder aufnehmen kann Grosse Erinnerungen der Vergangenheit werden damit zu neuem Leben erweckt.

Möchte wieder wie in alten Tagen reicher Segen für die schwerge prüften Ordenslande und für die deutsche Wissenschaft von ihr ausgehen

Wilhelm

(Перевод).
Телеграмма его величества императора и короля
Берлин. 10 марта 1918 г.

Большая радость для меня и для всей академической Германии, что достославная, ныне, благодаря победе нашего оружия, духовно свободная alma mater Dorpatensis может снова взять на себя свое историческое призвание — быть очагом немецкой духовной жизни.

Великие воспоминания прошлого пробуждаются этим событием к новой жизни.

Да снизойдет от нее снова, как в былые дни, великая благодать на многострадальные орденские земли и на немецкую науку.

Вильгельм.

Телеграмма эта получена, очевидно, в ответ на выраженные немецкими профессорами и студентами чувства глубокой преданности его величеству императору германскому.

После происшедших за это время в Юрьеве событий лекции и занятия в университете хотя и продолжались, но воздействие германских властей усиливалось с каждым днем. Прежде всего германцы явно умышленно избегали сноситься с Университетом, как с русским государственным учреждением; ректор не был принят начальником оккупационного отряда, когда он хотел выяснить вопрос о дальнейшей деятельности Университета. Далее начинается целый ряд репрессий по отношению к Университету и его персоналу Так, проф. Дегио частным образом передает ректору

проф. В. Г. Алексееву распоряжение начальника германских войск Юрьевского Округа ген. Адамса, в котором он определяет, что Дерптский Университет должен быть немецким. Текст этого распоряжения будет приведен ниже.

Ввиду такого распоряжения Совет решил представить свои соображения относительно юридического положения Юрьевского Университета. При ближайшем участии проф. В. Э. Грабаря особой комиссией была выработана памятная записка.

Памятная записка

Совета Юрьевского Университета.

По сообщению профессора Дегио, сделанному частным образом ректору Университета, бывший начальник германских войск, расположенных в Юрьевском уезде, ген-лейт. Адамс, подписал 7 марта с. г. накануне своего от'езда из Юрьева, распоряжение, касающееся самого существования Юрьевского Университета в его нынешнем виде. С разрешения проф. Дегио ректором была снята копия распоряжения, текст которого гласит так:

Dorpatd 7 Maerz 1918.

1. Ich bestimme: Die Universität Dorpat ist deutsche Universität.
2. Russische Vorträge dürfen nunmehr in soweit stattfinden, dass durch alsbald stattfindende Examina ibis spätestens 29 Maerz 1918 deutschen Stils) den Studenten Gelegenheit gegeben wird das Ziel ihres Studiums zu erreichen.
3. Die deutschen Professoren der Universität Dorpat haben die Berechtigung für das nächste Semester die Vorbereitungen zu treffen, dahingehend, dass die Universität sich von da ab als deutsche Universität entfalten kann.
4. Inwieweit russische Lehrstühle und Studenten in Dorpat verbleiben dürfen, entscheidet nach den von ihr gegebenen Richtlinien die Ortskommandantur.
5. Die Professoren der Universität Dorpat wollen alsbald wie möglich zu vorstehenden Anordnungen die Zustimmung des ArmeeOberkommando einholen; damit sollen erst anf Grund dieser vorläufigen Verordnung dauernde Verhältnisse geschaffen werden.
6. Vorstehende Bestimmungen haben nur insoweit bindende Kraft, als Ihnen höhere Bestimmungen entgegenstehen.

Adams

General-Leutenant u. Befehlshaber der

deutschen Truppen im Kreise Dorpat.

(Перевод).

Дерпт, 7-го марта 1918 г.

1. Я определяю: Университет в Дерпте есть немецкий Университет

2. Русские лекции должны продолжаться только для того, чтобы дать возможность студентам сдать экзамены (не позже 29 марта 1918 г. н. ст.) и таким образом закончить свое обучение.

3. Немецкие профессора Дерптского Университета имеют право начать подготовления к ближайшему семестру, чтобы Университет с этого времени мог функционировать, как немецкий Университет.

4. До какого времени могут оставаться русские кафедры и студенты в Дерпте, решает на основании данных ею инструкций местная комендатура.

5. Профессора Университета благоволят возможно скорее получить подтверждение настоящего распоряжения от штаба армии, так как на основании этого предварительного распоряжения должны быть выработаны постоянные взаимоотношения.

6. Настоящие постановления имеют обязательную силу постольку, поскольку они не будут противоречить высшим распоряжениям.

Адамс, генерал-лейтенант, командующий войсками Дерптского Округа.

Осведомившись об этом, Совет Университета не мог не отнестись с некоторым чувством недоумения и тревоги к тем мерам, которые намечены были в распоряжении генерала Адамса и имели в виду прекращение деятельности Университета в его нынешнем виде и немедленное превращение его в Университет исключительно немецкий Совет поэтому считает своим долгом на случай, если бы меры, указанные в распоряжении генерала Адамса, пока еще не опубликованном и Университету оффициально неизвестном, решено было осуществить в действительности, высказать, с своей стороны, нижеследующие сомнения и возражения.

I.

Прежде всего, Совет не усматривает правового основания для подобных мероприятий, ибо как бы ни смотреть на современное правовое положение Лифляндии и Эстляндии, не подлежит спору, что меры, предположенные по отношению к Юрьевскому Университету, не могут быть обоснованы ни на власти оккупанта в стране, занятой неприятелем, ни на договорных правах, вытекаю-

щих из мирного соглашения, заключенного Германской Империей и ее союзниками с Петроградским правительством, поскольку это соглашение известно Совету из опубликованных текстов ультиматума и мирного договора.

1. Если исходить из понятия военного занятия неприятельской страны (occupatio bellica), то, в силу международного обычая и конвенций, оккупант вправе нарушать существующие в стране законы лишь в случае «неодолимых препятствий» к их сохранению («sauf empêchement absolu»).

Этот международный закон, закрепленный в ст. 43 IV Гаагской конвенции 1907 г., представляет не новую норму, а укоренившийся обычай. Уже полвека тому назад, во время войны германских государств с Францией, это правило было провозглашено в германской прокламации 30 августа 1870 г. в следующих выражениях: «Soweit die kriegerischen Operationen es gestatten, wird das Gesetz des Landes in Kraft bleiben». (Законы страны остаются в силе, поскольку это допускают военные действия). Такое уважение к существующим законам было в 1870 г. признано необходимым в Эльзас-Лотарингии, той области, которую имелось ввиду присоединить к Германской Империи. Тем более казалось бы необходимо уважение к существующим законам в таких областях, относительно которых сделано прямое заявление германским имперским канцлером, что обосноваться в них Германия не имеет намерения. В единственном современном руководстве по международному праву, имеющемся в Германии, выдержавшем десять изданий и написанном известным профессором Берлинского Университета Franz von List'ом, по данному вопросу говорится следующее: „Gesetzgebung, Rechtspflege, Verwaltung werden, soweit es möglich ist, wie bisher fortgeführt Doch hat die besetzende Staatsgewalt das Recht, alle Massregeln zu treffen, die erforderlich sind, um die besetzenden Truppen und die Zwecke der Kriegsführung zu sichern (Verkündigung des Standrechts, Einschränkung der Pressfreiheit, des Hausrechts usw.)»

(Законодательство, правосудие, управление действуют попрежнему, насколько это возможно. Но оккупирующая власть имеет право принимать всякие меры, необходимые для обеспечения оккупирующих войск и военных действий (Об'явление военного положения, ограничение свободы печати, права на жилище и т. д.)

Совершенно ясно, что сохранение законов, касающихся школьного дела и в частности Университета, не может встретить «неодолимых препятствий» в смысле обеспечения свободы военных операций или безопасности войск, расположенных в занятой

стране Университет, как научное учреждение, находится, кроме того под особым покровительством права, ибо по отношению к его имуществу, хотя последнее и принадлежит государству, права оккупанта таковы же, как по отношению к имуществу частных лиц.

2. Трудно найти правовое основание для предположенных мероприятий и в условиях мирного договора, заключенного Германской Империей и ее союзниками с Петроградским правительством. Но ни в этом договоре, ни в предшествовавшем ему ультиматуме нет ничего такого, что могло бы оправдать подобные мероприятия. Ст. 3 ультиматума и ст. 6 мирного договора устанавливают в пределах Лифляндии и Эстляндии лишь полицейскую власть, притом она ограничена во времени, ибо она должна прекратиться, как только собственные учреждения края смогут сами гарантировать безопасность, и когда государственный порядок будет восстановлен. Едва ли было бы правильно думать, что временная власть, притом чисто полицейского характера управомочена к таким коренным реформам, какою является реформа высшего рассадника просвещения в крае в судьбе которого заинтересовано не одно немецкое население, но и другие пребывающие в крае национальности (русские, поляки, литовцы, евреи и, прежде всего, эсты и латыши).

3. Немедленное проведение такой коренной реформы в Лифляндии и Эстляндии, как уже сказано выше, находилось бы в прямом противоречии и с заявлением, сделанным публично, во всеуслышание, германским имперским канцлером в речи, произнесенной в Рейхстаге, где он с особым ударением отметил то обстоятельство что Германия вовсе не помышляет обосновываться в этих областях «Ich betone», заявил граф Гертлинг, «dass wir gar nicht daran denken, uns in Livland oder Estland festzusetzen» (Я подчеркиваю, что мы вовсе не думаем о том, чтобы утвердиться в Лифляндии или Эстляндии.

4. Наконец, преобразование Университета предположено было сделать распоряжением лица, которое по своему положению, как начальник германских войск, расположенных в Юрьевском уезде едва ли вправе издавать подобного рода предписания, глубоко затрагивающие интересы всего края и рассчитанные на длительное существование. Правда, генерал Адамс счел нужным оговорить что его распоряжение будет иметь силу лишь в том случае, если постановление его не будет находиться в противоречии с распоряжениями, идущими свыше. Надо думать что заявление германского имперского канцлера, которое генералу Адамсу еще не могло быть известно, сделает и самое распоряжение ген. Адамса, по скольку оно декретирует преобразование Университета, не действительным,

ибо заверение имперского канцлера нельзя не признать выражением воли наиболее авторитетной власти в Германской Империи.

II.

Не имея опоры в праве, мероприятия ген.-лейт. Адамса, будучи приведены в исполнение, грозили бы делу образования в крае большими осложнениями.

1. Большинство студентов, оставляя даже в стороне пришлое студенчество из внутренних губерний, составляют эсты и латыши, которые не в состоянии перейти сразу к слушанию лекций на немецком языке. По имеющимся официальным данным, в начале 1916—17 академ. года число обучающихся в Юрьевском Университете немцев не достигало и 400, в то время как число эстов и латышей превышало значительно цифру 500.

2. Воспитанники средних учебных заведений, имеющие поступить в Университет в ближайшее время, подготовлены школою к продолжению занятий на русском языке, на котором они усвоили себе и всю научную терминологию, причем огромное большинство их, эсты и латыши, немецким языком не только не владеют практически, но даже и теоретически далеко не все этот язык изучали.

3. Когда в конце 80-х годов в Юрьевском Университете вводился русский язык преподавания, реформа эта многими, в особенности немцами, признавалась слишком резкой, несмотря на то, что она вводилась в известной постепенности, в течение многих лет, и ей предшествовало такое же постепенное преобразование среди учебных заведений. Находившееся в наличности в момент преобразования Университета студенчество в массе своей преобразованием затронуто не было.

4. В данном случае такая внезапная ломка особенно опасна и нежелательна еще и потому, что самое положение Лифляндии и Эстляндии в будущем еще не определилось и не создано еще компетентных органов нормального управления этими областями. Пока этих органов нет налицо, едва ли уместно совершать преобразования, рассчитанные на длительное существование, притом еще в области народного просвещения, столь интенсивно затрагивающего самые существенные интересы местного населения.

Совет Университета, обязанный в силу закона делать представления своей власти во всех случаях, когда в распоряжениях последней усмотрит противоречие с нормами права или могущий последовать вред, считает своим долгом в данном случае, когда распоряжения исходят от чужой власти, управляющей ныне этими областями, сделать соответственное представление и обращается

к высшей командной власти с просьбой представить настоящую памятную записку высшим компетентным властям".

По этому же поводу профессорами эстонской и латышской национальности была подана полковнику ф. Вильмсу для препровождения германскому канцлеру графу Гертлингу записка след. содержания: «На основании официально еще не опубликованного, имеющегося у нас в копии, распоряжения командующего войсками Дерптского округа генерала-лейтенанта Адамса от 7-го марта с. г., Дерптский Университет должен быть сейчас же преобразован, и организация немецкого Университета поручена немецким профессорам этого высшего учебного заведения. Ввиду того, что все население балтийских провинций весьма заинтересовано существованием этого единственного в области Университета, обращаемся мы, профессора эстонской и латышской национальности, с просьбой разрешить Университету, проявляющему в полной мере свою деятельность, продолжать в прежнем виде свою работу до того времени, «когда будет созвано представительное собрание всех народностей области, которое будет компетентно в решении вопроса о судьбе нашей высшей школы».

Подписи:

Юрьев 12 марта 1918

Проф. д-р мед. А. К. Пальдрок.
Проф. д-р Г. Коппель.
Проф д-р Я. Озе.
Проф. Э. Фельсберг.

Для передачи меморандума начальнику гарнизона ген. Котчу была избрана особая депутация из ректора проф. В. Г. Алексеева, профессоров В. Э. Грабаря и А. К. Пальдрока, которой поручалось одновременно на словах постараться выяснить вопрос о дальнейшей судьбе Университета. Прием, оказанный этой депутации генералом Котчем, настолько характерен, что мы приводим целиком доклад депутации.

ДОКЛАД

Советской Комиссии, представлявшей меморандум Совета о правовом положении Юрьевского Университета генерал-майору ф. Котчу 24 сего марта.

Комиссия в составе ректора В. Г. Алексеева и профессоров: В. Э. Грабаря и А. К. Пальдрока была принята генералом ф Котчем в занимаемой им квартире в имении Карлово. Ректором был подан генералу ф. Котчу меморандум Совета, и при этом имел место нижеизложенный разговор между членами Комиссии и генералом ф. Котчем:

Ректор: Herr General, wir möchten Ihnen eine Denkschrift überreichen Diese Denkschrift ist über die rechtliche Lage unserer Universität und ist vom Conseil ausgearbeitet. Wir bitten Sie höilichst, diese Denkschrift weiter zu befördern.

Генерал ф. Котч: Haben Sie noch etwas mündlich mitzuteilen?

Проф. Пальдрок: Vielleicht gestatten Sie, Herr General, die Denkschrift zu verlesen, da sie die Grundlage zu unserer Erklärung geben wird.

Генерал ф. Котч: Ist sie nicht zu gross? Ich habe wenig Zeit und muss noch andere empfangen.

Проф. Грабарь: Wir möchten etwas Bestimmtes über die Lage her Universität jetzt und in der nächsten Zukunft erfahren.

Генерал ф. Котч подошел к столу и, взяв бумагу со стола, сказал: Ich setze voraus, dass Ihnen die Verordnung meines Vorgängers General Adams bekannt ist, ich habe daran nichts geändert und auf meine diesbezügliche Vorstellung ist von obenher noch keine Antwort erfolgt.

Генерал прочел 1-й пункт постановления Адамса: Ich bestimme: die Universität Dorpat ist deutsche Universität. Затем, обращаясь к ректору, показывая ему другую бумагу, полученную им от него, сказал: Herr Rektor, Sie haben mir gestern ein amtliches Schreiben geschickt, in welchem Sie über rechtliche Lage der russischen Universität schreiben. Herr Rektor, ich verbitte mir so was für fernerhin. Weiter habe ich meinerseits nichts hinzuzufügen.

(Перевод).

Ректор: Генерал, мы желали бы передать вам памятную записку о правовом положении нашего Университета, выработанную Советом. Мы просим вас почтительнейше передать ее дальше.

Генерал ф. Котч: Имеете ли вы еще что сообщить устно?

Проф. Пальдрок: Может быть, разрешите, г. генерал, прочесть эту записку, так как она даст основания для наших объяснений.

Генерал ф. Котч: Не велика ли она? У меня мало времени, и я должен еще принять других.

Проф. Грабарь: Мы желали бы узнать что нибудь определенное о положении Университета теперь и в ближайшем будущем.

Генерал ф. Котч подошел к столу и, взяв бумагу со стола, сказал: „Я предполагаю, что вам известно распоряжение моего предшественника генерала Адамса; я в нем ничего не изменил, и на мое представление относительно его не последовало еще ответа“. Генерал прочел 1-ый пункт постановления Адамса: «Я определяю: Университет в Дерпте есть немецкий Университет», и, обращаясь к ректору, показал другую бумагу, полученную им от него, сказал:

«г. ректор, вы вчера прислали мне служебную бумагу, в которой вы пишете о правовом положении русского Университета в Дерпте. Г. ректор, я не допущу впредь ничего подобного. Больше с моей стороны я ничего не имею добавить».

Надо, однако, думать, что в главном штабе армии меморандум, по видимому, все-таки возымел некоторое действие, так как была получена от ген. Котча бумага от 12 апреля 1918 г. след. содержания:

219. (K. S.) Infanterie-Division.

D. St. Qu. den 12.4.1918,

V Ia Nr. 289.

An. den Rat der Universität Dorpat,

zu Händen des Herrn Professor A 1 e x e j e f f.

Die Denkschrift der Universität Dorpat, die dem Kommandeur der 219 K. S. Inf. Div. am 24 3. von den Herren Professoren Alexejeff, Grabar und Paldrock überreicht wurde, ist von der Division nach Einsichtnahme den vorgesetzten Dienststellen vorgelegt worden.

Vom Armee-Ober Kommando ist daraufhin entschieden worden, dass die vom General-Leutenant Adams getroffenen Anordnungen nur vorübergehender Art sind, dass vielmehr eine endgültige Entscheidüng über die Frage der Universität erst ergehen wird, wenn die verfassungsmässigen Körperschaften hierzu Stellung genommen haben.

Es wird ersucht, die Antragsteller entsprechend zu bescheiden,

v. Kotsch.

(Перевод).

219. (Корол. Сакс.) Пехотн. Дивизии. (Ia № 289).

Кварт. Дивиз. Шт. 12. 4. 1918

В Совет Университета в Дерпте. Вручить Профессору Алексееву.

Докладная записка Университета в Дерите, переданная 24. III. г.г. профессорами Алексеевым, Грабарем и Пальдроком командиру 219 (Корол. Сакс.) Пехотной дивизии, по прочтении была представлена подлежащим властям.

От главного командования армией на это последовало решение, что распоряжение генерал-лейтенанта Адамса имеет преходящий характер, и что окончательное решение относительно вопроса о положении Университета последует лишь тогда, когда конституционно-правомочные учреждения выскажут свое мнение по сему вопросу.

Просят сообщить об изложенном представившим докладную записку.

Подпись (ф. Котч.)

10 марта опять через проф. Дегио получается распоряжение какого-то командира 17-ой кавалерийской бригады следующего содержания:

17. Kav. Brigade. Kopie

Brig. St. Qu., den 10 III. 1918.

Auf Grund der Verordnung der 77. Res. Div. über Schluss der Vorlesungen am 20. 3. 1918 wird den Lehrern und Studierenden der Universität Dorpat bekannt gegeben, die das Studium abschliessenden.

Examina tunlichst zu beschleunigen. Sie dürfen vorläufig über den genannten Termin hinaus fortgesetzt werden. Nähere Bestimmungen bleiben vorbehalten.

v. Wilins.

Oberst und Brigadekommandeur.

Herrn Professor Dehio
zur Weitergabe an den
Herrn Rektor der Universität Dorpat.

(Перевод).

17-ая Кав. бригада. Штаб бригады. 10/III. 1918

На основании распоряжения 77 рез. див. об окончании лекций к 20/III. 1918 преподавателям и студентам Дерптского университета сообщается, что они должны по окончании занятий по возможности поспешить с экзаменами, которые пока могут быть продолжены долее указанного срока. Дальнейшие распоряжения последуют своевременно,

ф. Вильмс,
полковник и бригадный командир.

Проф. Дегио для передачи г-ну ректору Университета в Дерпте.

20-го марта занимается для военных надобностей студенческое общежитие, причем забирается не только казенное имущество, но и частное. На сделанное по этому поводу Правлением Университета заявление никакого внимания обращено не было.

18 марта поступает на имя ректора весьма странный по форме запрос бургомистра г. Дерпта, Брока:

Dorpater Stadtamt
Dorpat An den Rektor der Universität

18 März 1918 Dorpat.

№ 1047.

Infolge Anfrage der Ortskommandantur Dorpat bittet das Dorpater Stadtamt um Nachricht, wann die Universität Dorpat schliesst.

Bürgermeister Brock.

Sekretär Schoenefeldt.

(Перевод.)

Городская управа

Дерпт — Ректору Университета

18 марта 1918 г. — в Дерпте.

№ 1047.

На основании запроса комендатуры в Дерите, Городская Управа просит сообщить, когда закрывается Дерптский Униерситет.

Бургомистр (подпись).

Секретарь (подпись).

На этот запрос Совет Университета постановил: «Сообщить г. местному коменданту: 1) лекции в текущем семестре уже закончились; 2) экзамены по 4-м факультетам закончатся к 15 апреля, а на медицинском к средине мая; 3) научная деятельность учебных институтов и лабораторий будет продолжаться непрерывно; 4) что касается клиник, то большинство их будет вынуждено закрыться, если не будут изысканы средства; 5) некоторые же учреждения Университета не могут прекратить своей деятельности без ущерба для больных или для имущества Университета, как то: клиники психиатрическая и женская, а также Ботанический сад; 6) копию этого постановления сообщить городскому голове».

3-го апреля адвокатом Фольком в сопровождении отряда германских солдат при большом стечении народа был снят крест с фронтона университетской церкви. На вопрос ректора, действует ли адв. Фольк по распоряжению коменданта, тот ответил, что у него имеется на то разрешение. Ректор довел об этом до сведения коменданта с просьбой сообщить, действительно ли адв. Фольк имеет на это разрешение.

Епископ ревельский Платон, извещенный об этом событии, в письме к германским властям говорит: «Меня глубоко возмутило сделанное руководителями события заявление, будто на это имеется разрешение Комендантуры. Так как и из печати и из личных сношенпй с представителями германской власти мне известно столь высокое их религиозное настроение, что во имя Божие начинаются и хвалой Богу оканчиваются ими все добрые дела, то допущенное поругание креста, общего символа всех христиан, совершенно непонятно ни для меня, ни для верующих, представителем которых я состою. Было бы весьма целесообразно опровергнуть надлежащим путем вышеприведенную несомненную клевету на представителей христианской германской власти»...

Но ни на запрос ректора, ни на письмо епископа никакого ответа или раз'яснения не последовало.

4-го апреля получено распоряжение о допущении обер-лейт. Мербица к описи имущества.

(Перевод).

Дерпт, 4. 4. 18.

Ректору Университета

Для составления полного инвентаря всего движимого и недвижимого университетского имущества университетское начальство должно разрешить доступ уполномоченным комендантуры в Университет и во все его институты, представить при этом все необходимые доклады и поддерживать их всячески при их работе Эта опись инвентаря начинается 8-го апреля 1918 г. в 9 час. утра. Для этого назначаются:

Представитель Комендантуры обер-лейтенант Мербиц.

для медицин, фак-та проф. Цеге фон Мантейфель, проф. Адольфи,
» физ.-мат. » » Ландезен, астрон.-наблюд. Шенберг,
» ист.-фил. » » Л. Мазинг, преподаватель Галлер,
» юридич. » адвокат Ландезен, адвокат Вальтер,
» богословск. » проф. Ган, проф Гиргенсон,
» библиотеки Ун-та » Гиргенсон, ассистент Лецман.
» Университ. Правления — городской советник Боковнев, адвокат Гартман,
» общества естествоиспытателей — проф. Ландезен, астроном-наблюдатель Шенберг,
» ученого эстонского общества — преподаватель Галлер, ассистент Лецман,
» дровяного двора, Мариенгофа, прачешной и водокачки — канцеляр. чиновники Вельц и Мельцер.

При этом запрещается отдавать напрокат или совсем уносить: аппараты, приборы, книги и иную собственность Университета из помещений университетских учреждений.

Кто имеет у себя университетское имущество по должности или для личного пользования, должен возвратить на надлежащее место до воскресения 7. 4. 18".

Комендант (подпись) Штеффенс.

Верно: Ректор В. Алексеев.

По поводу этого приказа Совет Ун та вынес следующее постановление:

«Получив распоряжение оккупационной власти о допущении ея представителей для производства описи университетского имущества, и не имея возможности снестись с центральным русским правительством для получения от него руководящих указаний, Совет признает себя вынужденным подчиниться этому распоряжению и просит Правление созвать завтра в субботу 6-го апреля собрание всех директоров учебно-вспомогательных учреждений для выработки однообразного отношения к производству требуемой описи, а также для выяснения вопроса о дальнейшей охране имущества Университета. Совет считает необходимым принять меры к тому, чтобы: 1) казначейство и канцелярии Университета и факультетов могли функционировать беспрепятственно; 2) чтобы была обеспечена сохранность научных материалов и книг, находящихся в помещении Университета и принадлежащих персоналу Университета; 3) чтобы преподавательскому персоналу была обеспечена возможность продолжать научные занятия в учреждениях Университета, пользование книгами в библиотеке и пр.>

Собрание директоров учебно-вспомогательных учреждений Юрьевского Университета, бывшее в субботу 6 апреля, обсудив вопросы, связанные с предполагаемой описью университетского имущества доверенными лицами германской Комендантуры, пришло к следующим заключениям:

1. Принять участие в составлении описи.

2. В учреждениях, где директора отсутствуют, при описи их заменяет принявший на себя обязанности директора учреждения.

3. Ассистенты институтов по поручению г.г. директоров могут заменять их при составлении описи.

4. Участвующие в составлении описи директор учреждения или ассистент дают объяснения только об имуществе, имеющемся на лицо, по вопросам об имуществе эвакуированном справки может дать только Правление Университета.

Фактически, однако, эта опись была произведена значительно позже, Апрель и начало мая были временем относительного затишья: Университет оставили в покое. Профессора заканчивали занятия, производились экзамены и выдавались дипломы. Студентов оставалось в Юрьеве еще довольно много, но число их постепенно убывало, так как многим удавалось выехать с беженскими поездами в Россию, Украину и Польшу.

Не получая денег из дому и истратив все свои запасы, студенты терпели нужду, и даже ранее состоятельные из них должны были обращаться за помощью. Попытки обращения за материаль-

ной поддержкой к местной Комендатуре не имели успеха: 16 апреля ректор, по постановлению Правления, ходатайствовал перед местными властями о выдаче 16.500 р., суммы, назначенной русским правительством для выдачи нуждающимся студентам, но ответа не получил.

Сами студенты организовали комитет помощи, который действовал довольно энергично: устроил столовую, добывал средства и т. д. На помощь студентам пришло Общество для пособия нуждающимся студентам Университета, которое достало некоторую сумму для раздачи наиболее нуждающимся. Помогали также и национальные комитеты, напр., польский, еврейский. В наиболее тяжелом положении были русские студенты.

За это время затишья персоналу Университета пришлось обсудить вопрос о том, что же делать дальше. Со времени вступления германцев в Юрьев, вследствие полного истощения кассы казначейства, служащие Университета получали содержание в уменьшенном размере, а последнее время и вовсе не получали, так что многие оказались совершенно без средств. Попытка обратиться к германским властям за помощью не увенчалась успехом. Кроме того, не было никакой возможности снестись с русским правительством и получить из центра хоть какие-нибудь указания. Совет многократно пытался снестись с правительством через германское командование, через русского посла в Берлине, но без всякого успеха.

Находясь в таком безвыходном положении, Совет решил наконец командировать в Петроград и Москву кого либо из профессоров для личных переговоров с центральным правительством о судьбе Университета. Еще 30-го марта Совет командировал из Юрьева в Петроград и Москву профессоров В. Э. Регеля и М. Е. Красножена выяснить материальное положение и другие нужды Юрьевского Университета. В заседании же своем от 9-го апреля Совет вынес приводимое ниже новое постановление, показывающее, что в то время у персонала Университета еще не было сознания необходимости окончательно покинуть Юрьев, хотя еще 20 (7) февраля, т е. за 3 дня до занятия Юрьева немцами, Совет Университета в экстренном заседании избрал г. Воронеж, как место деятельности.

В Ы П И С К А
из журнала заседания Совета Юрьевского Университета от 20 (7) февраля 1918 года.

Слушали: Заявление г.г. профессоров Г А. Ильинского, Л. А. Шалланда, Э. Р. Фельсберга, С. К. Богушевского, Е. В Петухова,

Л. С. Лейбензона о необходимости созвать экстренное заседание Совета Университета ввиду развивающихся вновь военных событий и эвентуального занятия немцами города Юрьева.

Постановили единогласно:

1) Зачесть текущий семестр на всех факультетах студентам, записавшимся на лекции и сообщить об этом факультетам.

2) Остановиться на г. Воронеже, как месте, где, в случае необходимости, открыть деятельность Университета,

В Ы П И С К А

из журнала заседания Совета Юрьевского Университета

9 го апреля 1918 года.

Слушали:

Отложенное по постановлениям Совета Университета от 5 апреля предложение г. Ректора обсудить вопрос об организации деятельности Юрьевского Университета в осеннем семестре 1918 года.

Постановили:

«Принимая во внимание государственную необходимость сохранить для России Юрьевский Университет, как очаг высшего просвещения, ближайшим образом обезопасить его преподавательскую коллегию от распадения вследствие неопределенности общего положения дела и обеспечить деятельность Университета в осеннем полугодии текущего года, Совет постановил:

1) Командировать проф. Яковенко в место нахождения центральной высшей власти: а) для доклада ей о положении Университета, б) для получения от нее сведений касательно материального существования и в) для сообщения высшей власти постановления Совета Университета касательно места его дальнейшей временной деятельности, если окажется не возможным Университету оставаться в Юрьеве. (Принято большинством 17 голосов против 5).

2) Просить проф. Яковенко войти в сношение со студенческой делегацией для выполнения данного ему поручения. Обратиться к здешнему коменданту с просьбой дать пропуск проф. Яковенко в Москву и обратно в Юрьев, указав коменданту, что проф. Яковенко командируется для выяснения судьбы университетского персонала».

Упомянутая выше делегация студентов Университета, а также и студентов частных медицинских курсов действовала в Москве очень энергично и кое-чего уже добилась.

Командировки сопровождались громадными затруднениями: для того, чтобы получить разрешение только на выезд из Юрь-

ева, надо было ждать недели 2—3; разрешение же на обратный везд вовсе не выдавалось. Проф. Н. А. Яковенко пришлось ехать без такого разрешения. Ему удалось, однако, пробраться обратно, но приблизительно через месяц. Привезенные им сведения были довольно неопределенны: Комиссариат просвещения, в котором проф. Яковенко вел переговоры совместно с проф. Регелем, был согласен на перевод Юрьевского Университета в Воронеж или др. город, но Комиссариат иностранных дел протестовал против этого, настаивая на том, что Лифляндия по Брестскому миру остается в пределах России, а потому и Университет должен оставаться на месте. Это, однако, шло в полный разрез с фактами, которые изложены выше.

В то время настроение Совета было еще довольно бодрое, о чем можно судить по следующему случаю:

3 мая от лейтенанта Мербица было получено сообщение (Milteiung), в котором он пишет, что, за от'ездом директора клиники внутренних болезней в Россию, он передает заведование ею проф. К. Дегио и возлагает на него ответственность за сохранность имущества и инвентаря.

Совет, заслушав это сообщение в заседании 7 мая, постановил: «просить Правление сообщить г. обер-лейтенанту Мербицу, что его постановление нарушает статьи устава Университета, и вследствие сего Правление Университета и медицинский факультет будут поставлены в затруднение в правовых сношениях с лицом, перед ними неответственным».

С своей стороны Правление постановило сообщить г. Мербицу следующее: «заслушав ваше сообщение о передаче заведывания и охранения имущества медицинской клиники внештатному профессору Дегио, оффициально заявившему Совету в своем прощальном слове, что он не состоит больше членом Совета, Правление Юрьевского Университета усматривает, что ваше распоряжение находится в противоречии с уставом Университета (§ 36—II). Вследствие сего Правление надеется, что Вы отмените свое распоряжение; в противном случае оно вынуждено будет обратиться к высшим инстанциям. Подтверждение своих прав и обязанностей по данному вопросу Правление находит также в статье 56 приложения к 4-й Гаагской конференции 1907 г.:

Das Eigentum der Gemeinden und der dem Gottesdienst, der Wohltätigkeit, dem Unterricht, der Kunst und der Wissenschaft gewidmeten Anstalten, auch wenn diese dem Staate gehören, ist als Privateigentum zu betrachten. Jede Beschlagnahme, jede absichtliche Zerstö-

rung oder Beschädigung von derartigen Anlagen, von geschichtlichen Denkmälern oder von Werken der Kunst und Wissenschaft ist untersagt und soll geahndet weisen.

(Собственность общин, а также учреждений, предназначенных для богослужений, благотворительности, обучения, искусства и науки, если она принадлежит даже государству, следует рассматривать, как частную собственность. Всякое наложение ареста, всякая умышленная порча или повреждение таковых учреждений, исторических памятников или предметов искусства и науки запрещается и должно быть наказуемо).

Этот вопрос скоро разрешился сам собой последующими распоряжениями германских властей.

В начале апреля в г. Риге собрался прибалтийский Земский Совет (Landesrat), состоявший из избранных представителей Эстляндии, Лифляндии, Риги и острова Эзеля. Он принял 12.IV. 1918 единогласно следующую резолюцию, (приводимую здесь полностью из газеты «Dorpater Zeitung», № 39, от 13 апр., в русском переводе), имевшую решающее значение для дальнейшей судьбы Университета.

Она гласит так:

1) «Просить германского императора оставить на продолжительное время в Лифляндии и Эстляндии военную охрану и оказать поддержку при осуществлении отторжения их от России;

2) выразить пожелание, чтобы из Лифляндии. Эстляндио и Курляндии, прилегающих островов и г Риги было оброзовано монархически-конституционное государство с однабразным государственным строем и управлением, которое признав главой короля прусского, соединялось бы с Германией личной унией, и просить германского императора это пожелание милостиво утвердить и содействовать приведению его в исполнение;

3) просить германского императора: а) чтобы он оказал содействие введению земских учреждений в Лифляндии и Эстляндии, которые управляли бы ими до слияния балтийских провинций в одно государство; б) чтобы он образованное из балтийских провинций государство об'единил с Германией, т. е. с королевством прусским, в отношении: военном, монетном, путей сообщения, таможенном, мер и весов и др.»

Так формулировали балтийские немцы свои давнишние мечты, которые должны были сделать их хозяевами в прибалтийских провинциях. Конечно, на этом Ландесрате был поставлен и вопрос о Дерптском Университете и решен в желательном для немцев

смысле, т. е., что он должен стать Университетом будущего балтийского государства. Это и было, повидимому, то решение «конституционно-правомочных учреждений», о котором говорит ген. Котч в своем ответе на докладную записку Совета.

Так как на Ландесрате некоторые лица выступали от имени Университета, то члены Совета Юрьевского Университета обратились к Ректору с запросом, был ли делегирован представитель от Юрьевского Университета на Ландесрат в г. Ригу, как об этом напечатано в некоторых немецких газетах, как в местных, так и в заграничных. Совет Юрьевского Университета по сему поводу сделал следующее постановление: 1) «сообщить русскому правительству, что ни Ректору, ни Совету ничего не было известно о представительстве Университета в Ландесрате, и 2) этот вопрос в Совете не обсуждался, никакого представительства Совет не избирал и никого не уполномочивал говорить от имени Университета».

Как далеко шли в этом направлении замыслы не только местных немцев, но и заграничных выходцев из Прибалтики, можно видеть из статьи Вильгельма Оствальда (W. Ostwald), помещенной в «Zeitschrift für angewandte Chemie», 3 сент. 1918 г., стр. 165—6, озаглавленной: «Die Wiederbelebung des Baltischen Polytechnikums in Riga».—«Возрождение балтийского политехникума в Риге». *)

Указав на то, что балтийский политехникум до конца 80-х г.г. оставался вполне немецким учреждением, В. О. говорит далее: «Начавшаяся потом руссификация могла изменить только внешнюю сторону политехникума, но не могла разрушить его внутреннего ядра. И как все немецкое население приветствовало с невыразимою радостью немецких воинов, несших ему освобождение от тяжелого гнета и дикого насилия (brutale Gewalt) со стороны чужеземного государства, стоящего в культурном отношении гораздо ниже его, — так и балтийский политехникум, как только будет дан ему опять необходимый свет и воздух, проявит тотчас свой истый немецкий облик и начнет снова с глубокой внутренней радостью долго жданную свободную работу». Далее автор статьи продолжает так: «Что Рига будет связана самым тесным образом с Германской Империей, об этом уже теперь можно сказать вполне определенно и с бóльшею уверенностью, чем относительно будущности Дерптского университета, где также началось возрож-

*) В. Оствальд родился в 1853 г. в Риге, был студент. химии в Дерпте в 1872—75 г.г., состоял потом ассистентом при физич. каб. Дерптского университета и лаборантом при химии, лаб. того же ун-та. С 1882 г. проф. химии в Рижском политехникуме, а с 1888 г. проф. химии в Лейциге.

дение. Итак, если мы спросим себя: Что может дать Германии в будущем балтийский политехникум? На это может быть только один ответ: чрезвычайно многое... Рига за последние десятилетия, несмотря на всевозможные преграды, развила разнообразную и мощную промышленность, благодаря участию в ней в значительной степени инженеров, питомцев балтийского политехникума. Хотя русская граница отодвинута теперь на восток, почему многие хозяйственные условия должны значительно измениться, тем не менее после заключения мира можно предвидеть такой же или даже еще бóльший рост промышленности, ибо с уверенностью нужно ожидать поворота нашего общего хозяйственного движения в континентальном направлении, вследствие чего Рига станет главным пунктом в торговых сношениях Германии с северными и восточными областями России, включая и Сибирь. Таким образом, Рига будет местом, где немецкое хозяйство найдет в будущем сбыт значительной части своих высокоценных товаров, благодаря чему это хозяйство приобретет преобладающее положение на мировом рынке».

Не подлежит сомнению, что в связи с постановлениями Ландесрата в половине мая начинается новый период репрессий по отношению к Университету.

16-мая получается распоряжение главнокомандующего 8-ой армией графа Кирхбаха, окончательно прекращавшее деятельность Юрьевского Университета, как русского учреждения.

Оно гласило:

Armee Oberkommando
8 Armee A. H u. den 16 Mai, 1918.
Abt. V. K.] n 1465

An den Rektor der Universität Dorpat
Herrn Prof. Dr. Alexejew.

Nach der weiteren politischen Entwickelung, dem Beschluss des Landesrats vom 12.4.8 und der daraus erfolgten Antwort der deutschen Reichsleitung kommt eine Wiedereröffnung der Universität Dorpat als russiche Universität nicht mehr in Frage.

Ich bestimme daher:

1) Der russische Rektor der Universität hat sich jeder Amtshandlung zu enthalten.

Die Ueberwachung dieser Anordnung ist dem Stadthauptmann in Dorpat zu tibertragen

2) Ein Verkehr des Rektors mit den russischen Ressorts findet nicht statt.

3) Ich stelle dem Rektor und russischen Professoren anheim, freiwillig Livland zu verlassen und sich nach russland zu begeben und sehe einer Meldung über die Absichten der Herren in dieser Beziehung entgegen.

Der Oberbefehlshaber
Graf Kirchbach
Generaloberst,

(Перевод)

Ректору Юрьевского Университета,
г. профессору д-ру Алексееву.
Юрьев.

Ввиду дальнейшего развития политических отношений, ввиду постановления Земского Совета (Landesrat) от 12—4—18 и последовавшего на это постановление ответа германского имперского управления, о возобновлении деятельности Дерптского Университета, как **русского,** не может быть речи.

Поэтому я постановляю:

1. Русский ректор Университета должен воздерживаться от всяких должностных действий. Наблюдение за исполнением этого предписания возлагается на градоначальника г. Юрьева.

2. Сношения ректора с русскою властью не допускаются.

3. Я предлагаю ректору и русским профессорам добровольно покинуть Лифляндию и направиться в Россию и жду заявления относительно намерений их в этом отношении.

Главнокомандующий граф Кирхбах, генерал-оберст".

После этого распоряжения ректор уже не считает возможным собирать Совет; происходят только совещания, причем сами германские власти оставляют за Университетом право закончить некоторые дела, напр., выдачу дипломов.

17-мая получена бумага от градоначальника Поля на имя проф. Дегио след. содержания:

Der Stadthauptmann — den 17.5.1918.

Dorpat — An Herrn Professor Dehio, Hochwohlgeboren

1 Nr. 470. Dorpat.

Nach Verfügung von A. O K. 8 Abt. V R 1 N 179 sind beschleunigt Verzeichnisse evakuirter Kunstschätze etc. aufzustellen. In Betracht kommen Glocken, öffentliche Denkmäler, Museen, Bibliotheken, Sammlungen, Archive, kirchliche Kunstschätze und dgl mehr.

Ew. Hochwohlgeboren bitte ich, diese Aufgabe für die Universität zu übernehmen und in meinem Auftrage die notwendigen Kräite aus

den Universitätskreisen heranzuziehen. Gleichzeitig bevollmächtige ich Sie, alle zu diesem Zweck erforderlichen Massnahmen im Bereich der hiesigen Universität zu treffen Sollten irgendwelche Schwierigkeiten bei der Durchführung dieser Aufgabe gemacht werden, so bitte ich mir das sofort mitzutheilen, damit ich die betreffenden Persönlichkeiten wegen Widerstandes gegen meine Verfügung zur Verantwortung ziehen kann.

Da das Verzeichnis am 29. V. 18. dem Generalkommando zugeschickt werden wird, so scheint bei der Kürze der Zeit die Aufstellung eines lückenlosen Verzeichnisses ausgeschlossen zu sein. Ich bitte aber bis zum 27. V. um Einreichung derjenigen Aufstellungen, die bis dahin gemacht werden können.

Pohl. [Unterschr].
Hauptmann d. R.

(Перевод)

Градоначальник.
Дерпт. 17. V. 1918.
№ 470.

Его Высокоблагородию
Господину профессору Дегио. Дерпт.

По распоряжению А. О. К. 8 отд. V. P. I № 179 необходимо представить в непродолжительном времени списки эвакуированных сокровищ искусства и т. д., причем должны быть приняты во внимание колокола, публичные памятники, музеи, библиотеки, коллекции, архивы, церковные драгоценности и т. д.

Прошу Ваше Высокоблагородие принять на себя эту задачу по Университету и призвать, по моему поручению, нужные силы из университетского круга. Одновременно уполномочиваю Вас принять для этой цели надлежащие меры. Если окажутся какие-нибудь затруднения при исполнении этой задачи, то прошу Вас сейчас же сообщить мне об этом, чтобы я мог привлечь таких лиц к ответственности за противодействие моему распоряжению.

Так как список должен быть послан к 29—V—1918 в Генерал-Командо, то ввиду краткого срока исключается необходимость представления подробного списка, Но я прошу все же к 27—V. заготовить к представлению те списки, которые возможно составить в этот срок.

Подпись.

На состоявшемся по сему поводу совещании профессоров и преподавателей решено было представить списки в самой общей форме.

16 го мая в стенах Университета разыгралась возмутительная сцена, излагаемая здесь по имеющемуся протоколу, и ярко характеризующая положение в то время русского Университета в Юрьеве.

16 мая 1918 г. в 12 ч. дня в главное здание Университета явился какой-то господин, сорвал об'явление ректора Университета о приемном часе его, разорвал и бросил на пол, заявив служителям, что никаких об'явлений на русском языке в немецком университете не может быть.

Служителя доложили об этом ректору, который вместе с проф. Ющенко и прив.-доц. Щукиным направился к месту происшествия; но неизвестный господин прошел уже в актовый зал, где ректор потребовал от него сообщить его фамилию; но он, заговорив в повышенном тоне, отказался назвать себя. Когда же ему заявили, что ему придется отправиться к полицеймейстеру для установления личности, он показал удостоверение на ношение оружия от А. О. К. 60 от 1 мая за № 433, с обозначением его фамилии: Лео фон Валь.

По словам служителей, этот господин уже и раньше делал то же самое.

Вызванный полицейский и четыре нижеподписавшихся служителя Университета доложили обо всем происшедшем лично полицеймейстеру и передали ему подписанный ими протокол происшествия с указанием имени виновника

(Подписи: Симон, Финк, Ладди, Лайск)

Конечно, никаких неприятных последствий для г на ф. Валя это событие не имело.

Выпады местной немецкой печати против русской профессуры повторялись многократно и иногда переходили вся кую меру. К этим инсинуацпям присоединялась иногда и эстонская газета «Postimees», об'единявшаяся на этой почве с «Dorpater Zeitung», Появившиеся в середине апреля в этих газетах сообщения о том, что русские профессора по ночам уносят из главной университетской библиотеки книги имели настолько оскорбительный характер, что Совет Университета намерен был привлечь к суду автора заметки в «Postimees». Редакция, однако, уклонилась от прямого ответа на вопрос, кого именно она обвиняет в расхищении университетского имущества и какие у нее имеются доказательства этих обвинений. Спустя некоторое время в немецкой газете появилась коротенькая заметка о том, что сообщение о похищении книг из библиотеки основано на недоразумении: некоторые профессора

хранили в здании библиотеки принадлежавшие лично им книги и теперь брали их домой.

В середине мая появилось в газетах известие о назначении проф. Шимана куратором Дерптского Университета, а 20 мая было получено следующее сообщение от об. лейт. Мербица:

Stadthauptmann Dorpat. Dorpat d 20 Mai 1918
Abt. Schulwesen, An den Rektor der Universität Dorpat
№ 72.

Hierdurch teile ich Ihnen mit, dass laut Befehl des Generalkommandos 60 vom 14.5,18 n. 241, Universitätsangel genheiten bis zum Eintreffen des Kurators dem Generalkommando durch den Dorpater Stadthauptmann vorzulegen sind.

Der Stadthauptmann
Merbitz.
Oberleutenant d. R.

(Перевод).

Градоначальник г. Дерпта, Дерпт 20 мая 1918 г.
Отд. Управления школ Ректору Дерптского университета
№ 72.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что, согласно распоряжению штаба 60 от 14. 5. 18 № 241, все университетские дела до приезда куратора представляются в штаб через градоначальника.

Градоначальник
об.-лейт. Мербиц.

Такое известие не могло, конечно, не взволновать преподавательского персонала Университета. Проф. Шиман, уроженец Прибалтийского края, питомец Дерптского Университета, бывший преподаватель гимназии в г. Феллине, переселился потом в Берлин, где стал играть видную роль, как в научных, так и в политических кругах, благодаря своим близким отношениям к Вильгельму II. Как известно, Шиман был личным другом императора и нередко сопровождал его во время летних морских поездок. Более яркого представителя германских тенденций, конечно, трудно было найти, и русские профессора не могли ждать для себя ничего хорошего от такого куратора. Это побудило Совет Университета отправить 7-го мая русскому послу в Берлине следующую телеграмму:

«Невозможность прямых должностных сношений с русским Правительством заставляет Совет Университета обратиться к Вам, господин Посол, с просьбой дать указания, на основании соглашений, состоявшихся между двумя Правительствами, по вопросу об отношениях, которые имеют установиться между Университетом,

как учреждением русского Государства, и куратором, назначаемым, по слухам, из Берлина».

О судьбе этой телеграммы ничего неизвестно; во всяком случае, ответа на нее Совет не получил. Повидимому, важные события на западном фронте задержали проф. Шимана: он приехал в Юрьев значительно позже.

23-го мая градоначальник Поль прислал чрезвычайно резкое по форме распоряжение о неприкосновенности имущества Университета.

Der Stadthauptmainn.

Dorpat. Den 23 Mai :918.

Tgb. № 6586.

Die dringendsten Geschäfte der Universität führt bis zum Eintreffen des Kurators der Ausschuss der deutschen Professoren unter Leitung des Professors Dehio im Auftrage des Stadthauptmannes, von dem er Weisungen empfängt und dem er verantwortlich ist. Ihm haben der bisherige Rektor, Direktorium und Conseil gegen entlastende Quittung die Geschäfte zu übergeben.

Die zur Anerkennung abgelegter Prüfungen nötigen Formalitäten dürfen noch bis 31.5.18. vorgenommen werden. Die ausgestellten Diplome sind dem Stadthauptmann, Abt. Schulwesen, zur Abstempelung mit dem Universitätssiegel vorzulegen.

Mit dem 31.6.18. ist auch diese Tätigkeit des russischen Con seils abgeschlossen.

Alle nicht unbedingt notwendigen Beamten sind zu entlassen. Soweit die Räume nicht anderweit gebraucht werden, können sie ihre Dienstwohnungen weiter innehaben, doch unter der Bedingung, sie bei Bedarf binnen 3 Tagen zu räumen.

Holz oder andere Gebührnisse werden nicht gewährt.

Die verantwortlichen Leiter der Institute, Kliniken usw. können jederzeit beantragen, dass ihnen die Leitung und Verantwortung abge nommen wird. Der Nachfolger, den der Stadthauptmann auf Widerruf ernennt, hat den Empfang zu bescheinigen, Auszahlungen aus Univers. Kassen und Ausgabe von Univers Eigentum sowie jedes Entfernen irgend eines der Universität gehörigen Gegenstandes von seinem zuständigen Antbewahrungsort ohne schriftliche Genehmigung des Stadthauptmanns wird als Diebstahl oder Unterschlagung verfolgt.

An den bisherigen Rektor

Herrn Prof. Dr. Alexejeff.

Pohl,

Hauptmann d. R.

(Перевод).

Градоначальник.

Дерпт. 23 мая 1918 г

№ 6586.

Неотложные дела Университета ведет до прибытия куратора комитет немецких профессоров под председательством проф. Дегио, по поручению градоначальника, от которого он получает распоряжения и перед которым он ответственен. Прежние ректор, Правление и Совет должны передать дела проф. Дегио под расписку.

Необходимые для окончания начатых экзаменов формальности должны быть закончены к 31 мая. Заготовленные дипломы должны быть представлены в канцелярию градоначальника, в школьный отдел, для приложения к ним университетской печати.

К 31-му мая должна быть закончена и эта деятельность русского Совета.

Все не безусловно необходимые служащие должны быть уволены. Они могут сохранить за собою и дальше занимаемые ими казенные квартиры, если таковые не понадобятся для других целей, но при условии очистить их, в случае надобности, в течение трех дней.

Дрова и прочие виды довольствия более не отпускаются.

Ответственные директора институтов, клиник и пр. могут во всякое время заявить о желании снять с себя заведывание и ответственность, после чего их преемники, которых назначает градоначальник, принимают учреждения под расписку.

Платежи из университетской кассы и выдача университетского имущества, а равно всякий перенос какой либо принадлежащей Университету вещи с места ее надлежащего хранения без письменного на то разрешения градоначальника, будет преследоваться, как кража или растрата.

Бывшему ректору

Г-ну проф. др-у Алексееву.

Поль,

Градоначальник.

В конце мая и в начале июня произведена была действительно приемка имущества клиник и учебно-вспомогательных учреждений, а также канцелярий, кассы и пр. университетского имущества. Как было сказано выше, об-лейтенанту Мербицу было поручено произвести опись. Но он предписал произвести таковую прежним заведующим; опись должна была быть составлена самая подробная и притом на немецком языке, на что конечно, потребовалось довольно много времени. Самая приемка производилась Мербицем

при содействии особой комиссии, в которую входили: проф. Дегио, прежний секретарь Совета Боковнев, пр. доц. Шенберг, адвок. Вальтер, проф. Адольфи, проф Ландезен Лецман, проф. Л. Мазинг и некоторые др лица. К ним был приставлен целый штат немецких студентов в качестве помощников. Роли были распределены очень хорошо: для приемки отдельных учреждений назначались по преимуществу лица, хорошо с ними знакомые. Описи после проверки подписывались Мербицем, бывшим заведующим и новым заведующим из немцев. Один экземпляр брал Мербиц, другой оставался у лица, сдававшего институт или клинику.

Приводим здесь в виде образца текст документа о назначении нового заведующего Физическим кабинетом и протокол передачи Фундаментальной библиотеки новому директору.

Hiermit bestätige ich, dass laut Befehl des Herrn Stadthauptmanns vom 1 Juni 1918 der Herr Prof. C. Landesen zum zeitweiligen Verwalter des Physikalischen Kabinetts und aller seiner Akten ernannt worden ist.

Prof. K Dehio
Geschäftsführer des Deutschen
Professorenausschusses.
Dorpat d. 4 Juni 1918.

(Перевод).

Сим удостоверяю, что, согласно приказа г. градоначальника от 1-го июня 1918 г., г. проф. Г. Ландезен назначается временным заведующим Физическим Кабинетом и всех его дел.

Проф. К. Дегио,
Дерпт, 4. VI 1918. Делопроизводитель немецкого профессорского комитета

Protokoll betreffend bie Uebergabe der Dorpater Universitätsbibliothek durch den bisherigen Direktor Prof. A. Bogojawlenski an den vom Herrn Stadthauptmann zeitweilig mit der Verwaltung der Universitätsbibliothek betrauten Prof. a. D. A. von Bulmerincq in Gegenwart des Herrn Leutenant Matthesius, steilv. Stadtschulinspektors.

Am 8 Juni zwischen 10 und 1/2 12 Uhr Vormittags fand die Uebergabe der Universitätsbibliothek durch den bisherigen Direktor Prof. A. Bogojawlenski an den vom Stadthauptmann zeitweilig mit der Verwaltung der Bibliothek betrauten Prof. A. v. Bulmerincq statt. Bei der Uebergabe war der steilv Stadtschulinspektor Leutenant der Reserve Matthesius zugegen

Die vom Herrn Leutenant Matthesius in sämtlichen Abteilungen der Universitätsbibliothek vorgenommenen Stichproben ergaben eine

vollständige Uebereinstimmung des gegenwärtigen Bestandes der Bibliothek bzw. des nach der Evakuation des Jahres 1915 übriggebliebenen Restes derselben mit den vom Herrn Oberleutenant Merbitz angef rtigten Listen.

Die versiegelten Schränke, deren Bücherbestände, seiner Zeit nicht aufgenommen worden waren, konnten naturgemäss nicht geprüft werden.

Dorpat, den 8 Juni 1918. Prof. a. D. Alex. v. Bulmerincq.
Prof. A Bogojawbnski.
Hans Matthesius, Ltn. d. Res. u. steilv. Stadfschulinspektor.

(Перевод)

Протокол

передачи Дерптской Университетской Библиотеки бывшим ее директором, проф. А. Богоявленским, внешт. профессору А. ф. Бульмерингу, уполномоченному, по распоряжению г. градоначальника, временно заведывать ею, составленный в присутствии г. лейтенанта Маттезиуса, заместителя инспектора городских школ.

8 июня между 10 и 1/2 12 ч дня состоялась передача Университетской Библиотеки бывшим ее директором, проф. А. Богоявленским, профессору А. ф Бульмерингу, уполномоченному градоначальником временно заведывать ею. При передаче присутствовал заместитель инспектора городских школ лейтенант запаса Маттезиус.

Произведенные г. лейтенантом Матезиусом пробные выемки книг из всех отделов Университетской Библиотеки показали полное соответствие с составленною г. обер лейтенантом Мербицем описью книг, оставшихся в Библиотеке после ее эвакуации в 1915 г.

Запечатанные книжные шкафы, содержимое которых в свое время не было принято, естественно не могли быть проверены.

(Подписи).

Дерпт, 8 июня 1918 г.

Затем у заведующих были отобраны ключи, и с этого момента доступ профессорам и преподавателям в Университет был прекращен, и всякая связь с Университетом порвалась: они стали для него посторонними лицами.

Таким образом было ясно, что русским профессорам в в Юрьеве делать больше было нечего, и они получили недвусмысленное предложение гр. Кирхбаха „добровольно покинуть Лифляндию“. С другой строны, их материальное положение все ухудшалось, и мно-

гие были принуждены распродавать свои вещи, чтобы как-нибудь просуществовать

Вот при каких условиях встал на очередь вопрос о выезде из Юрьева персонала Университета.

Необходимо было решить вопрос о том, куда же нам направиться. Относительно Воронежа появились слухи о его занятии германцами. Снова возникли предположения о других городах и прежде всего о Пскове, как ближайшем пункте, с которым имелось удобное сообщение по озеру. Ввиду этого проф. П. А Яковенко было поручено во время его поездки в Москву выяснить этот вопрос. Кроме того, были командированы в Псков проф. Н. Н. Бурденко и ассист. Н. А. Самсонов для выяснения возможности перехода туда Университета, так как были получены некоторые сообщения о том, что Псков очень желает принять Университет

Но этот вопрос довольно быстро решился в отрицательном смысле, во первых, ввиду несочувствия германских властей к перенесению туда Университета, во-вторых, ввиду отчаянного состояния продовольственного дела в Пскове.

Точно также по соображениям продовольственного характера отпал и Ярославль, В комиссариате, как сообщил при ехавший в Юрьев проф. П. А. Яковенко, склонялись более всего в пользу Воронежа.

По постановлению совещания профессоров ректор 25 мая обратился к командующему армией с просьбой: 1) снестись с русским правительством о предоставлении персоналу Университета двух маршрутных поездов до Воронежа: одного в середине июня, другого в конце августа; 2) передать Комиссару Народного Просвещения ходатайство о переводе Университета из Дерпта в Воронеж.

На это только через 2 недели получили следующий ответ:

Armee Oberkommandantur. A. H. Q. den 7 Juni 1918

Abt. V. K, № 1462.

zu Post V № 412. Abschrift.

An Generalkommandantur 60.

Dem früheren russischen Rektor der Universität in Dorpat ist auf sein an den Oberbefehlshaber gerichtetes Schreiben vom 25. V. 1918 auf Anordnung des Oberbefehlshabers mitzuteilen, dass der Bitte über Uebermittelung des Schreibens des Rektors an den Kommissar für Volksaufklärung bezüglich Verlegung der Universität von Dorpat nach Woronesch nicht entsprachen werden kann, da es den russischen Professoren nach ihrer Rückkehr nach Russland freisteht, mit dem zuständigen Volkskommissar über ihre weitere Tätigkeit unmittelbar zu verhandeln.

Dagegen ist das Armee-Oberkommando bereit, die weitere Bitte um Gestellung von direkten Wagen von Dorpat nach Woronesch der russischen Regierung übermitteln zu lassen. Hierum ist der Rektor aufzufordern unverzüglich die Zahl der Professoren, des Gepäcks und der Fracht anzugeben.

Von Seiten des AOK der Schef des Generalstabs gez. Frantz.

(Перевод) 7 июня 1918 г.

Бывшему русскому ректору Университета в Дерпте в ответ на его отношение от 25/V 1918 г., обращенное к Главнокомандующему, сообщается по распоряжению Главнокомандующего, что его просьба о передаче Комиссару Народного Просвещения ходатайства о переводе Университета из Дерпта в Воронеж не может быть исполнена, т. к русским профессорам предоставляется возможность, по их возвращении в Россию, непосредственно снестись с Народным Комиссаром для выяснения вопроса о их дальнейшей деятельности.

Что же касается ходатайства о предоставлении прямых вагонов из Дерпта до Воронежа, то высшее германское командование готово передать его русскому Правительству. Для сего ректору предписывается немедленно представить сведения о числе уезжающих профессоров, о количестве багажа и груза.

Начальник штаба Франц.

Для ведения дела по организации переезда в Воронеж университетского персонала была избрана особая ликвидационная комиссия под председательством проф. К. Б. Сент-Илера, секретарем ее состоял Н. А. Сахаров. Она была признана и германскими властями.

Прежде всего комиссия путем опроса выяснила, что в первую очередь желают выехать 220 ч. (с семьями), с ними около 4800 пудов багажа, а во вторую—около 60 ч.

Эти сведения были представлены в главный штаб. Затем составлены были именные списки едущих и переданы в комендантуру на предмет получения проездных свидетельств (Ausweise)

Кроме багажа едущих с первым поездом, предполагалось взять казенный багаж а также багаж тех преподавателей и служащих, которые уехали из Юрьева раньше или должны были выехать позже, а равно и такое имущество преподавателей, которое могло оказаться полезным в Воронеже при начале деятельности Университета, напр. библиотеки, коллекции и т. п.

Что касается до казенного имущества то комиссией был выработан список тех документов и предметов, которые желатель-

но было вывести после вынужденной передачи университетского имущества германским властям.

По этому поводу комиссия обратилась к ректору со следующим заявлением:

Ликвидационная комиссия просит Вас обратиться к оберлейтенанту Мербицу с ходатайством о разрешении вывезти одновременно с преподавательским персоналом:

1) все имущество университетской православной церкви;

2) личные документы преподавательского персонала, служащих в канцеляриях и студентов-уроженцев России, выехавших и едущих в Россию;

3) журналы заседаний Совета, Факультетов, Правления и копировальные книги;

4) печати штемпеля Совета, Факультетов, Правления и кабинетов;

5) неоплаченные счета;

6) все документы по отчетности, не представленные в государственный контроль;

7) наличность кассы специальных средств Университета, полученных от сбора платы за слушание лекций в весеннем семестре 1918 г.;

8) документы и наличность ссудо-сберегательной кассы при Юрьевском Университете;

9) личное имущество преподавателей, находившееся в университетских помещениях;

10) учебные пособия, изготовленные трудами преподавателей и их учеников и принаровленные к курсу читаемых лекций.

Ввиду могущих возникнуть недоразумений при решении этих вопросов желательно образование смешанной комиссии из немецких и русских профессоров.

На соответственное представление ректора получился следующий ответ.

Der Stadthauptmann,

Dorpat. Den 26. 5. 18.

Tagb, Nr. 668, Herrn Professor Dr. Alexejeff, Hochwohlgeboren
Dorpat

Auf Ihren Antrag vom 25 Mai 1918 betr. Ausfuhrgenehmigung von Gegenständen, Mobilar, Akten, Regalen aus den Universitätsgebäuden wird Ihnen im Auftrage des A. O. K. 8 eröffnet, dass vorläufig aus den Räumen und Instituten der Universität n i c h t s mitgenommen werden darf. Selbstverständlich soll Ihnen später alles, dem Lehrperso-

nal gehörige Privateigentum ausgehändigt werden. Die Prüfung dieser Ansprüche erfordert aber längere Zeit und wird Ihnen deshalb anheim gestellt, dieselben unter genauer Bezeichnung der Gegenstände und der Beweise für ihr Eigentum mir vor Ihrer Abreise schriftlich einzureichen

Pohl,
Hauptmann d R

(Перевод).
Градоначальник

Дерпт. 28 мая 1918 г.
№ 668

Его Высокоблагородию
Г ну профессору Д-ру Алексееву
Дерпт.

На Ваше ходатайство от 25 мая 1918 г. о разрешении на вывоз из университетских зданий некоторых предметов, актов и регалий, но распоряжению А. О. К. 8 доводится до Вашего сведения, что пока из помещений и институтов Университета ничего не должно быть взято. Конечно, впоследствии должно быть выдано все принадлежащее учебному персоналу частное имущество. Проверка этих требований возьмет, однако, много времени, а потому Вам предлагается перед от'ездом подать мне заявление с точным обозначением предметов и с приведением надлежащих доказательств их принадлежности.

Поль,
Градоначальник.

Так как из этого ответа было ясно, что частное имущество преподавателей не могло быть взято из Университета, то комиссия и отдельные преподаватели обращались с тою же просьбою к градоначальнику; он не отказывал и не разрешал, ссылаясь на то, что все эти вопросы будут выяснены ожидавшимся куратором, проф. Шиманом. Градоначальник просил, однако, представить списки личного имущества, находящегося в помещениях Университета, и обещал выдать, по крайней мере, то, что несомненно принадлежит частным лицам. Некоторые преподаватели успели взять свои вещи по разрешениям, данным проф. Дегио или проф. Ландезеном. Но незадолго до отбытия персонала из Юрьева было получено распоряжение, подписанное ад'ютантом штаба Францем, в котором сказано:

Armee-Oberkommando
8 Armee,
Abt, Univ. Ver. Nr. 16

A H, Qu. den 4 Juli 1918.

An Herrn Professor
C. Saint-Hilaire z. Zt. Dorpat

Zum Schreiben ohne Datum, eingegangen beim Stadthauptmann am 5. 6. 18.

Die Herausgabe des den russischen ehemaligen Professoren, Dozenten und Angestellten der Universität angeblich gehörenden Privateigentums aus den Instituten der Universität kann erst erfolgen, wenn die von hier nach Russland verschleppten Bücher, Appanate und sonstigen Lehrmittel der Universität hierher zurückerstattet sind

Von Seiten des Armee-Oberkommandos
der Gehef des Generalstabes
Frantz.

(Перевод)

Командование
8-ой армии.
Отд. университетских
дел № 16. в Дерпте.

4 июля 1918 г.

Г-ну проф. К. Сент-Илеру

В ответ на отношение без даты, полученное у градоначальника 5 июня 1918 г.

Выдача якобы принадлежащего русским бывшим профессорам, доцентам и служащим Университета частного имущества из институтов Университета может быть произведена только тогда, когда эвакуированные отсюда в Россию книги, аппараты и другие учебные пособия будут возвращены обратно.

По поручению А О К.
начальник генерального штаба Франц

Этим распоряжением многие из преподавателей были лишены возможности взять свои собственные вещи, которые оставлялись в залог за эвакуированное в Россию университетское имущество.

На специальное ходатайство ректора получить документы студентов было отвечено отказом. Были выданы только личные документы преподавателей и служащих.

Так как на основании указанных распоряжений все документы и дела должны были остаться в Юрьеве, ликвидационная комиссия обратилась с просьбой к служащим в канцеляриях снять копии с наиболее важных постановлений Совета, Правления и Факультетов, что и было выполнено при содействии нескольких лиц, взявших добровольно на себя эту работу.

Подготовка к от'езду тянулась очень долго; все было налажено, но никаких сведений о возможности выезда не получалось. Для выяснения положения дела на месте были даны поручения нескольким лицам, едущим в Россию. Специально для этой цели был командирован преподаватель Пушкинской гимназии А. И. Северов, состоявший одновременно и студентом университета. Кроме того, подобные же поручения были даны уезжавшим самостоятельно: проф. А. И. Ющенко и Е. В. Тарле

Никаких, однако, сведений от этих лиц не получалось и все находились в полной неизвестности относительно своей судьбы. Всякие попытки войти в сношения с русскими властями через представителей германской власти терпели попрежнему неудачи.

Такое тягостное состояние тянулось весь июнь и начало июля. Германские власти давали совершенно противоречивые сведения: в одних учреждениях сообщали, что особого поезда для персонала Университета не будет, а будет обычный беженский поезд, в других, наоборот, что будет поезд только для персонала Университета. Приходилось обращаться к содействию частных лиц, чтобы получить хотя бы какие нибудь сведения, напр., значительную помощь оказывал в этом отношении проф. Цеге фон-Мантейфель. Положение стало настолько безнадежным, что у многих являлась мысль уехать во что бы то ни стало или с беженским поездом, или нанять вагон на собственный счет, оставив в Юрьеве значительную часть своего имущества, перегрузка которого во Пскове или на ст. Торошино была бы им не по средствам.

Как раз во время этих сомнений 8 июля неожиданно возвратился в Юрьев проф. В. Э Регель, привезший зна чительную сумму денег на уплату жалования служащим.

Из сделанного им доклада выяснилось, что он за время своей трехмесячной командировки вел в Петрограде и Москве усиленную работу по переводу Юрьевского университета в Воронеж. Этот вопрос был окончательно решен в утвердительном смысле постановлением Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению от 18 мая и постановлениями Совета Народных Комиссаров от 8—11 июня. Проф. Регель привез распоряжение Комиссариата Народного Просвещения о переводе всего преподавательского и служебного персонала, а также и студентов Юрьевского Университета в Воронеж, причем новому Университету передавалось все ранее вывезенное в Россию имущество Юрьевского Университета Для устройства Воронежского Университета образовывался Комитет под председательством проф. Регеля, в составе профессо-

ров: Д. М. Лаврова, А. Г. Люткевича (уже находившихся в Москве и Воронеже), Л. А. Шалланда и А. Д. Богоявленского (находившихся в Юрьеве) представителей: от Воронежского Совета депутатов, от общества по устройству Воронеского Университета и от студентов. Профессора Шалланд и Богоявленский получили личные приглашения явиться в Воронеж для организации Университета.

Проф. В. Э. Регель привез также известие о том, что маршрутный поезд для персонала Юрьевского Университета будет пропущен до Юрьева и прибудет в ближайшее время.

Сведения, привезенные проф. Регелем, значительно изменили положение персонала, ибо последний переставал при надлежать Юрьевскому Университету; вместе с тем переставало функционировать и прежнее Правление, функцию которого принял на себя Комитет; следовательно, и все выборные должностные лица: ректор, проректор и деканы должны были сложить с себя свои прежние полномочия.

Ввиду этого спешно были закончены приготовления к от'езду и выправлены проездные документы Так как германскими властями запрещен был вывоз из Юрьева продовольствия сверх положенной нормы и для контроля при выезде производился осмотр багажа, то было исходатайствовано разрешение произвести осмотр на дому; это и было сделано чинами местной полиции, которая в то время уже была сформирована.

Наконец, 12 июля прибыл долгожданный поезд в составе 21 вагона: 2 х классных и 19 товарных.

Была произведена погрузка, и днем 17 июля поезд вышел из Юрьева.

Переезд до Воронежа через Псков, Торошино, Гатчино, Тосно и Москву был совершен вполне благополучно, и 25 июля ночью персонал Юрьевского Университета прибыл в Воронеж на место новой своей деятельности в след. составе:

профессоров — 19 и членов их семейств — 43;
младших преподавателей—14—18;
служащих в библиотеке—4—8;
служащих канцелярий—24—35;
служителей — 9—15
Всего 189 ч.

Второй поезд с персоналом Университета вышел из Юрьева 31 авг. 1918 г. и был в Воронеже 7 сент. утром.

На нем прибыло: 6 профессоров, 14 преподавателей и 3 служащих; при них 8 членов семейств.

Всего, следовательно, с приехавшими с первым эшелоном и самостоятельно из состава Юрьевского Университета оказалось в Воронеже:

профессоров—39,
преподавателей—45,
канцелярских служащих—25,
служащих библиотеки—6,
служителей — 12.

На этом кончается история Юрьевского русского Университета и начинается история Воронежского Университета.

Научное издание

Сент-Илер Константин Карлович

К ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Компьютерная верстка *К. П. Пенского*

Подписано в печать 31.05.2016. Формат 70×100/16
Уч.-изд. л. 4,1. Усл. печ. л. 3,9. Тираж 250 экз. Заказ 341

Издательский дом ВГУ.
394000 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3